

Средневековая
арабо-мусульманская
философия

в переводах
А.В. Сагадеева

Том 3

УДК 1(53)
ББК 87.3(5)
С 75

Составитель и ответственный редактор: Н.С. Кирабаев

Перевод с арабского: А.В. Сагадеев
Редколлегия серии: П.В. Башарин, И.Л. Алексеев, В.О. Бобровников,
А.Ю. Хабутдинов, И.Ф. Гимадеев, А.Н. Юзеев, М.М. Аль-Джанаби

Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А.В. Сагадеева. Том 3: [собр. пер. в 3-х т.] / [сост. и отв. ред. Н.С. Кирабаев]. — М.: Изд. дом Марджани, 2010. — 360 с. — (Bibliotheca Islamica). — ISBN 978-5-903715-08-4. — ISBN 978-5-903715-20-6 (т. 3). I. Кирабаев, Н.С., сост. II. Сагадеев, А.В., пер.

ISSN 2072-2540
ISBN 978-5-903715-20-6 (т. 3)
ISBN 978-5-903715-08-4

Завершающий том трехтомного собрания переводов средневековой арабо-мусульманской философии известного российского востоковеда А.В. Сагадеева (1931–1997) включает в себя переводы важных философских произведений выдающихся представителей арабо-мусульманской мысли: Ибн Баджжи, Ибн Туфайля, ал-Газали, Ибн Рушда, ас-Сухраварди, а также классика арабской средневековой словесности Ибн Фатика. Как и предыдущий том, предлагаемое издание включает комментарии, библиографию, указатели имен, географических названий, терминов и этнонимов.

ISSN 2072-2540
ISBN 978-5-903715-20-6 (т. 3)
ISBN 978-5-903715-08-4

© Кирабаев Н.С. сост.
© Сагадеев Ж.А.
© Издательский дом Марджани
© Кагаров Э.М., серийное оформление,
2009

Содержание

5	ИБН БАДЖА
7	Книга о душе
35	ИБН ТУФАЙЛ
37	Повесть о Хаййе, сыне Йакзана
99	АЛ-ГАЗАЛИ
101	Избавляющий от заблуждения
141	ИБН РУШД
143	Непоследовательность «Непоследовательности»
294	ШИХАБ АД-ДИН ЙАХЙА АС-СУХРАВАРДИ
296	«Повесть о Хаййе, сыне Йакзана»
300	Материалы к изучению стран Востока
300	Абу-л-Вафа' ал-Мубашшир Ибн Фатик
	Изысканные афоризмы и изящные речения
300	Арабский Диоген Лаэртский /В. Марков/
303	Перевод
303	Гермес (Трисмегист)
303	Саб
303	Поэт Гомер
304	Мудрец Солон
304	Зенон (из Элеи)
304	Врач Гиппократ
305	Мудрец Пифагор
305	Диоген-киник
306	Сократ-аскет
308	Платон
310	Аристотель
316	Александр Македонский
318	Птолемей
319	Лукман
320	Медаргис
320	Василий [Великий]
321	Гален
322	Анонимные речения, собранные вместе

- 325   Комментарии
- 342   Указатель имен
- 345   Указатель географических названий
- 347   Указатель терминов и этнонимов

КНИГА О ДУШЕ

Раздел первый О душе

Одни тела бывают естественными, другие — искусственными. Искусственные тела — это такие, как скамья, ложе; существование их зависит лишь от определенной воли. Естественные же тела — это такие, как камень, пальма, лошадь. И те и другие тела возникают и уничтожаются. В книгах, посвященных общим вопросам физики, Аристотель разъяснял, что как естественные, так и искусственные тела состоят из формы и материи. Например, фигура золотого слитка относится к материи золота, как фигура скамьи — к дереву. Сама по себе материя бывает либо лишенной формы — как это разъяснялось в первом рассуждении «Чтений о природе»¹, — и тогда то, что состоит из нее, будет простым телом (а простые тела, как это разъяснялось в других местах, суть земля, вода, воздух и огонь), либо же — имеющей форму; но такая материя, составляющая естественное тело, может быть лишь одной из этих четырех материй с примесью некоторой другой материи. Ибо простое сущее, изменяясь, изменяет либо свою форму, и тогда из него возникает некоторое другое, отличное от него, простое сущее, подобно тому, как из воды возникает воздух и земля; либо же — свои атрибуты, и это будет уже не становлением, а превращением. Когда простое сущее уже готово к тому, чтобы из него образовалось некоторое сложное сущее, последнее необходимо должно быть смесью и состоять из более чем одного простого сущего. Точно так же обстоит дело и с искусственными телами, возникающими из сущего, обладающего формой, ибо те или иные виды искусственных тел изготовлены из определенных естественных тел, отличаясь от последних лишь тем, что в данное состояние их приводит мастер. Одни искусственные тела таковы, что приводятся в данное состояние вещами, существованием своим целиком обязанными ремеслу; так, например, обстоит дело со скамьей: здесь и дерево восприняло данную форму благодаря ремеслу, и использовавшиеся при этом орудия суть искусственные тела; другие же искусственные тела таковы, что первым их двигателем является искусственная вещь, а орудием — некоторая естественная вещь, как, например, обстоит дело со стеклом: образование стекла может завершиться лишь благодаря жару, исходящему от огня, а огонь относится к числу естественных тел. И в этом случае мы имеем несколько разновидностей: при изготовлении одних искусственных тел все орудия ремесла суть вещи, существование которых не зависит от воли; при изготовлении же других часть орудий — естественные тела, а часть — искусственные. Но каким образом то, орудия изготовления чего являются чем-то естественным, оказывается искусственным?

Одни двигатели, говорю я, бывают акцидентальными, другие — сущностными; иногда они движут сами, а иногда посредством некоторой другой вещи — одной или более чем одной. Эти средства суть орудия или нечто подобное орудиям, принадлежащим двигателю. Что касается ремесла, то оно не само приводит нечто в движение, а через орудия. А у того, что приводится в движение двигателем именно таким образом и на что воздействует более чем один двигатель, есть некий последний двигатель, примыкающий к тому, что движется (примером здесь может служить скобель в его отношении к куску дерева), и как раз из этого образуется — или именно в этом заключается — данное искусство. Ясно, что последний двигатель не движет без первого двигателя, в то время как первый двигатель движет без последнего, ибо движение возникает лишь тогда, когда наличествует действие первого двигателя. Первый двигатель, как это объяснялось в восьмом рассуждении, есть по отношению к движению действующее начало, и данное движение может быть возведено к нему.

Всякое движущееся зависит от того, каков первый двигатель: если первый двигатель есть нечто естественное, значит, и движущееся есть нечто естественное; если же первый двигатель есть нечто связанное с искусством, значит, и движущееся является чем-то искусственным; а каково оно — это зависит от особенностей орудий.

Поскольку у всякого движущегося есть двигатель, тела приводятся в движение либо внешним по отношению к ним двигателем, как это бывает с большинством искусственных тел, либо двигателем, заключенным внутри них. [Из искусственных тел], например, таковыми являются машины, которые приводятся в движение для совершения определенных действий и у которых для этого имеются особые приводы — [об этом я рассказывал] в «Политике»².

Во всех же естественных телах двигатель заключается в них самих. Естественное тело есть сочетание двигателя и движущегося, в то время как у искусственных тел двигатель находится вне движущегося, и движущееся здесь бывает двигателем лишь акцидентально. С естественными телами дело обстоит иначе. Что же касается вопроса о том, имеется ли в природе что-нибудь подобное произведению ремесла, то он еще подлежит изучению, хотя, если такая вещь действительно существует, она, видимо, должна быть несколько иной.

Естественные тела движутся к особым, присущим их природе, местам, и если они оказываются вне своих естественных мест, то в них появляется определенная сила, толкающая их к естественному месту, так что движением своим они обязаны именно ей. Отклонение же их в том или ином направлении является акцидентальным, ибо расположение их в тех или иных неестественных для них местах зависит от каких-то препятствий, так что если устранить данное препятствие, то они окажутся там, где им полагается быть в соответствии с их природой. Высказывалось мнение, что двигатель тождествен с движущимся, но в действительности дело обстоит иначе. Так, в камне, поскольку он потенциально стремится вниз, а в движение приводится потому, что обладает тяжестью, движущимся яв-

ляется потенциальное стремление вниз, а двигателем — тяжесть. Вот почему, двигаясь в соответствии со своей природой, он двигается в одном направлении.

В движущемся нет ничего, что противопоставилось бы двигателю, поскольку оно является лишь его потенцией. Иначе обстоит дело с одушевленными существами. Движущееся здесь имеет присущую ему форму, благодаря которой совершается определенное действие, а двигатель приводит его либо в противное ему движение, либо в движение к естественному для него месту. Так, например, обстоит дело с поднятием руки кверху или подпрыгиванием: в последнем случае тело приводится в движение, а именно оно перемещается кверху, в силу чего и душа приводится в движение определенным органом, обладающим природным теплом. Так обстоит дело со всем, что имеет подобную природу.

Формы бывают двух видов. Одна форма есть осуществление естественного тела, в котором двигатель не находится в сущностном сочетании с движущимся и которое движется, не имея для этого особого органа. Другая форма есть осуществление естественного тела, движущегося с помощью определенных органов. Первая форма называется природой в собственном смысле этого слова, а другая форма — душой

Таким образом, душа есть осуществление естественного органического тела. Осуществление бывает первым и последним. Так, когда геометр занят своим делом, его называют геометром по его последнему осуществлению. Душа является первым осуществлением в естественном органическом теле. Существование тела, обладающего душой, есть жизнь, так что всякое одушевленное тело есть нечто живое.

Всякое знание, говорит Аристотель, — хорошее дело, хотя одни отрасли знания стоят выше других³, а степени наук уже перечислены нами во многих сочинениях. Наука о душе стоит во всех отношениях выше прочих физических и пропедевтических наук. Кроме того, каждая наука испытывает потребность в науке о душе, так что мы, как это было выяснено в других сочинениях, не можем усвоить начала наук до тех пор, пока не изучим душу и не узнаем, что она собой представляет согласно ее определению. Далее, общеизвестно, что если нет уверенности в том, что данный человек познал, каково состояние его собственной души, то тем более не может быть уверенности в том, что он познал нечто другое. Если мы не знаем, как обстоит дело с нашей собственной душой и что она вообще собой представляет, и если нам не ясно, правильны ли те или иные высказывания о душе или они не заслуживают доверия, то тем более мы не можем иметь достоверного знания о том, что обнаруживается в прочих вещах.

Далее, знание души придает исследователю силу, необходимую для приобретения тех исходных посылок, без которых не может быть полного знания о природе. Что же касается политики, то и о ней нельзя с толком рассуждать, пока не познаешь, что такое душа.

Далее, наука может стоять высоко либо потому, что внушает доверие — когда относящиеся к ней рассуждения обладают высокой степенью достоверности и ясности, — либо потому, что предмет данной науки воз-

вышен и возбуждает восхищение, как, например, обстоит дело с астрономией. К науке о душе относится как то, так и другое. Если не считать науки о первом начале⁴, то среди всех прочих наук науке о душе в наибольшей мере подобает занимать самое высокое место. С другой стороны, очевидно, что эта наука должна также отличаться от остальных наук тем, что она занимается вещами, отличными от тех, которыми занимаются прочие науки. Кроме того, без предварительного познания души и разума наши познания о первом начале не могут быть полными.

Самый совершенный способ познания первого начала заключается в использовании силы, приобретаемой от познания души. Вещь познается в нескольких смыслах: на первом месте более всего приличествует и подобает стоять знанию того, что есть данная вещь, на следующем месте — знание атрибутов, присущих только ей, и на третьем месте — знание атрибутов, общих для нее и для чего-то другого.

Знание какой-либо вещи бывает либо неполным, когда известна лишь одна часть ее определения, причем такое знание имеет свои разновидности, изложенные нами в другом месте, либо полным, когда известно все то, на что указывает ее определение.

Определения как последующее не образуются из сочетания причин — они составлены из атрибутов, которые могут быть отдаленными и ближними, существенными и несущественными.

Определение как предшествующее образуется из причин; оно, в свою очередь, распадается на многие роды, из коих одни составляют отдаленные причины, а другие — ближние, причем последние в большей мере достойны быть определениями.

Всего же причин четыре: материя, действующее начало, форма и цель. Эти причины иногда бывают частными, а иногда — общими. Определением как предшествующим более всего подобает быть тому, что состоит из частных причин. Причины бывают иногда потенциальными, а иногда актуальными, причем определением как предшествующим более всего подобает быть тому, что образовано из актуальных причин. Подобные определения известны либо сами по себе, и тогда они являются чем-то данным, либо благодаря выведению. Выводят определение, как это объяснялось в другом месте, либо посредством деления, либо посредством сочетания. При выведении определений прибегают к доказательствам, а таковые делятся на три вида: на заключение доказательства, начало доказательства и доказательство при помощи изменения положения терминов, и именно оно является наиболее совершенным [доказательством] и более всего заслуживает того, чтобы быть предшествующим.

Поскольку мы добиваемся именно полного знания о душе, то достижение нашей цели в данной науке, скорее всего, сопряжено с большими трудностями, но, хотя достигнуть ее трудно, все же это не невозможно.

Что определение души не является уже чем-то данным — это ясно. Ясно также и то, что определение ее не складывается из того, что получено путем выведения.

Знание того, что представляет собой данная вещь, заключается в выяснении следующего: едина ли данная вещь или не едина; если она

едина, то имеет ли она части или не имеет таковых; если имеет, то обладает ли она силами или же она — единая сила; в науке о душе все это требует выяснения. Обо всем этом существуют определенные мнения предшествующих [мыслителей]. Последние полагали, что слово «душа» может иметь множество значений в соответствии с тем, в каком смысле употребляется это имя. Одни из них думали, что душа благодаря своей делимости имеет множество частей; так, например, полагали Демокрит и те, кто был с ним согласен. Другие же, как, например, врач Гален, полагали, что она едина и имеет части, занимающие определенное положение. Это же мнение было изложено Платоном в «Тимее». Подобного рода вопросы, касающиеся именно души и прежде всего возбуждающие внимание исследователя, так что они оказываются чуть ли не единственной целью, ради которой люди добиваются знания о душе, — такие вопросы сводятся к следующему: относится ли душа к тому, что способно существовать отдельно? Вот почему в начале первого рассуждения ты можешь найти такое высказывание Аристотеля: «Если же у души имелась бы свойственная ей деятельность, происходящая в ней, но не в теле, то она могла бы существовать отдельно»⁵. Этим высказыванием он начинает рассмотрение данного вопроса, возбуждающего то внимание, о котором говорилось выше. Все это создает еще большую трудность для данного раздела физики.

Но раз мы уже решили вести это рассуждение, то нам следует выяснить, связано ли данное познание с рассмотрением тел, в которых находится душа, или их состояний, таких как здоровье и болезнь, или с рассмотрением действий души, таких как гнев и удовольствие. Если бы душа вообще не могла существовать отдельно от тела, то всем ее действиям было бы причастно и тело, только одни из них были бы зависимы от души, а другие либо были бы зависимы от тела, либо совершались бы посредством него.

Поскольку определение, как это выяснилось во «Второй аналитике», не может быть составлено, пока не найден род, обозначающий [данную] вещь, то, когда мы будем давать какое-нибудь определение, не включающее в себя этот род, части его будут обозначаться производными именами и определение это будет сообщать о наличии в подлежащем чего-то такого, что не выражено ясно; оно будет неполным, так же как и то, что оно сообщает. Поэтому нам прежде всего следует рассмотреть тот род, который сказывается о душе и раскрывает ее природу, дабы найти затем способ построения определения. Род и видовое различие по своей природе отличаются друг от друга. Род потенциально является видовым различием, поскольку он форму свою получает от последнего. Его потенциальность подобна той потенциальности, которая приписывается материи. Таким образом, род потенциально есть нечто находящееся вне рода. Что касается видового различия, то оно потенциально является родом — так же, как, например, когда говорят, что целое потенциально содержит свои части. Род потенциально наличествует в видовом различии, так же как часть наличествует в целом. Когда все это берется в качестве определения, род является заключением доказательства, а видовое

различие — началом доказательства или чем-то подобным, а поскольку они — части определяемого, каждый из них потенциально является определением.

Поскольку, как это было выяснено во «Второй аналитике», существует три способа, применяемых при построении определения, а именно: деление, сочетание и использование доказательства, то какой же из них следует применить, чтобы построить определение души? Способ деления здесь неприемлем, ибо род, в который входит душа, неизвестен — если бы он был чем-то самоочевидным, то не возник бы спор относительно того, является ли она чем-то телесным или нет.

Что касается способа использования доказательства, то он здесь также неприменим. Далее, если мы внимательно рассмотрим те формы, на которые делили душу древние философы, то обнаружим, что эти формы не противоречат друг другу и не зависят друг от друга. Из всего этого для внимательного исследователя станет ясно, что слово «душа» у этих философов является омонимом.

Таким образом, остается один лишь способ — сочетание. Ясно, что он применим в данном случае только потому, что о существовании определяемой вещи здесь заранее известно (душа есть нечто такое, существование чего очевидно), и требовать доказательства ее существования — это то же, что требовать доказательства существования природы, а требовать этого может только тот, кто не знает разницы между тем, что известно само по себе, и тем, что известно через что-то другое.

Подобным рассмотрением предшественники Аристотеля не занимались, ибо человеческой душе они уделяли внимание лишь постольку, поскольку этого требовало рассмотрение политики. Таким образом, виды души следует изучать не только ради этого, но также и потому, что знание каждого из них составляет определенную часть науки о природе.

И мы говорим: всякое животное есть сложное тело с несходными и не находящимися в непрерывном соединении частями. Напротив, части его отделены своими краями таким образом, что соединяются они друг с другом либо как сросшиеся, либо как отдельные. Тело животного таково, что если одна из его частей движется в другой части, то движется все животное. Кроме того, известно, что всякое животное есть нечто движущееся и ощущающее; оно движется и ощущает посредством движущихся и ощущающих частей, будучи составлено из них.

Ясно, что животное относится к роду вещей, состоящих из тела и формы, но в каком смысле говорится, что оно состоит из тела и формы, и является ли душа телом, или же она есть форма — ясный ответ на этот вопрос может дать себе лишь тот, кто исходит из наблюдений над собственной душой. Этот вопрос обсуждался и разъяснялся Александром⁶ в его книге «О душе», так что пусть кое-что будет почерпнуто и оттуда.

Какой-либо единой природой душа не обладает, так как если бы душа была однородной, то и действия ее были бы однородными. Так, действия животного заключаются в питании, ощущении, движении, воображении и мышлении, и среди них нет двух однородных действий (если бы таковые

существовали, то все силы души были бы однородными), а одни из них предшествуют другим, как, например, питание и ощущение, и одни из них связаны с другими, как, например, ощущение и воображение. Точно так же между силами и душой существуют отношения предшествования, следования и связи. Поэтому не все, о чем говорится «душа» в каком-нибудь одном смысле, относится к ее определению, так что в данном случае прибегать к методу доказательства нельзя.

Пренебрежение поисками определений души оказалось одной из причин того, что вопрос о природе души так и остался для древних невыясненным. Все они были согласны в том, что душа есть определенная субстанция, и поэтому стремились подвести ее под тот или иной вид субстанции. Так, одни из них утверждали, что это огонь, другие — что это кровь или воздух⁷, третьи же, полагая, что она не может быть чем-то телесным, пожелали отнести ее к другой категории. И вообще они все подводили ее под ту или иную из десяти категорий.

Когда же Платону стало ясно, что душа должна быть отнесена к категории субстанции, когда ему стало ясно, что субстанцией называется как материя (т.е. тело), так и форма, и когда ему стало ясно, что считать ее телом нельзя, он пожелал определить ее по тому, что ей свойственно. Полагая, что формы круглых тел⁸ суть души, он начал искать, что во всех (одушевленных телах) является общим, и обнаружил, что ощущение свойственно животным, а движение обще им всем. Поэтому он определил душу как «нечто само себя движущее», причем словом «нечто» здесь обозначается то, что мы понимаем под словом «сущее». Определил же он ее так лишь потому, что полагал, будто всякое движущее само движется, ибо, по его мнению, невозможно, чтобы нечто двигало, само не двигаясь. Это положение было рассмотрено Аристотелем в седьмом рассуждении «Чтений». Что касается противоречивых взглядов, высказывавшихся о душе, то Аристотель исследовал их в первом рассуждении своей книги «О душе». Изложим вкратце то, что там было рассмотрено.

Исследование души Аристотель начинает следующим образом.

По природе своей одни души бывают предшествующими, а другие — последующими. Среди них в наибольшей мере последующей является воображающая душа, которой предшествует чувство.

Можно было бы предположить, что существуют животные, не имеющие воображения, — такие как черви и мухи, — но если оно у них и есть, то не существует отдельно от чувства и явно не выражено.

Предшествующим для всех сил чувственного восприятия является сила осязания. Силе же чувственного восприятия предшествует питательная сила, которая предшествует вообще всем силам души.

Что касается разумной силы, то ей по природе принадлежит самое последнее место в том смысле, в каком совершенное по природе следует за несовершенным.

Именно поэтому Аристотель начинает с рассмотрения питательной души. У этого вида души имеются две силы: сила роста и сила размножения.

Раздел второй

Рассуждение о питательной силе

Противоположностью сущего, говорим мы, является не-сущее. Не-сущее же есть либо невозможное, т.е. то, существование чего невозможно, либо возможное. То, существование чего возможно, бывает двух видов: то, что необходимо, т.е. то, несуществование чего невозможно, и сущее вообще, т.е. то, что существует в определенное время. Ясно, что существование когда-то было не-сущим. Можно было бы подумать, что оно было не-сущим в течение неограниченного времени, но если бы дело и обстояло подобным образом, то лишь акцидентально.

Если мы скажем «больной Зайд может быть здоровым и не здоровым», то противоположностью для выражения «быть здоровым», которое входит в данное высказывание, будет не лишенное здоровья сущее, существующее в возможности, а отсутствие здоровья именно в то время, к которому относится высказывание «он здоров», — все равно, наступило ли это время или нет.

Возможное и потенциальное есть нечто единое в отношении подлежащего, но в отношении высказывания — разное. Мы могли бы, например, сказать, что может произойти лунное затмение и что оно потенциально происходит, но в таком случае мы исходили бы из общности имени. Применительно к луне термин «потенциально» выражает смысл точнее, чем наше слово «может»: ведь слово «может» по общности имени равно применимо и к луне и к больному.

Как уже разъяснялось раньше, потенциальность предшествует актуальности, а актуальность делится на десять категорий. То, что находится в потенциальном состоянии, как это объяснялось в восьмом рассуждении, не переходит в актуальное состояние до тех пор, пока оно не становится, ибо здесь необходимо изменение. Изменение бывает в субстанции, количестве, качестве и месте, и потенции этих четырех категорий суть потенции, благодаря которым движущееся находится в движении. Такие потенции называются претерпевающими и изменяющимися.

Что касается остальных категорий (кроме категории претерпевающей), то завершение их претерпевающих потенций не есть изменение, но вызывается оно изменением, потому оно и происходит в некотором «теперь».

Определения трех нижеследующих категорий не заключают в себе отношения. Количество не определяется отношением к нему субстанции как подлежащего; точно так же обстоит дело и с качеством; более всего это относится к количеству, почему и полагали, что оно существует отдельно. Что же касается шести других категорий, то все они определяются отношением к подлежащему. Однако в высказываниях о положении и обладании существование субстанции подразумевается, в то время как с четырьмя остальными категориями дело обстоит иначе, ибо их подлежащее, действующее, поскольку оно является «тем, что действует», существует актуально, а «то, что претерпевает действие», существует потенциально.

Из выражения «действует» по существу, а не акцидентально, вытекает, что нечто существует актуально — так что на него можно указать, — а из выражения «претерпевает действие» вытекает, что нечто существует потенциально. «То, что действует», сопутствует в бытии «тому, что претерпевает действие», и от него необходимо зависит существование «того, что претерпевает действие».

Движущееся таково, что находится либо в вечном движении, либо в преходящем движении. Двигатель, вызывающий вечное движение, один, и он всегда двигатель. Следовательно, этот двигатель всегда есть нечто единое, существующее актуально, и не бывает так, чтобы он то был двигателем, то нет. Двигатель, вызывающий преходящее движение, либо бывает одним-единственным, и в таком случае он в одно время бывает двигателем, а в другое — нет, как, например, тяжесть в камне, которая иногда движет, а иногда нет; либо же он бывает одним из нескольких следующих друг за другом двигателей. Но к какому бы из этих двух разрядов двигатель ни принадлежал, он все равно будет входить в род двигателей. Из этого следует, что все подобные двигатели в определенный момент не двигали; наиболее отчетливо это видно на примере такого двигателя, который иногда движет, а иногда не движет: тяжесть, которая встречает какое-то препятствие; душа животного, которому не дают двигаться; душа растения, за которым не ухаживают; огонь, если он не находит, что жечь; снег, если он не находит, что охладить, — все это иногда не движет, но может двигать. А то, что возможно, находится, как уже объяснялось, в потенциальном состоянии, и то, что может двигать, когда оно актуально не движет, является потенцией, а это свойственно действующим и движущим силам. Итак, что такое движущие силы, ясно.

Движущиеся же силы необходимо находятся в теле, ибо все движущееся делимо, и силами они называются как нечто предшествующее. Что же касается движущих сил, то силами они называются только как нечто последующее и в определенной связи.

Движущие силы могут быть в телах либо как формы, либо как акциденции. Что собой представляют эти силы и как они существуют, об этом рассказано в «Метафизике». Сущее иногда может быть и не в теле, и все же существование его будет очевидно. К такого рода сущему принадлежат деятельный разум и приобретенный разум.

«Пищей» называется и то, что является таковой потенциально (как, например, мясо дикого животного), и то, что является «последней пищей»⁹ (например, то, из чего образуется кровь). Таким образом, питательная сила — это такая сила, благодаря которой тело приходит в движение и силы его испытывают действие.

У всего изменяющегося есть изменяющее, так что у пищи в потенциальном состоянии, т.е. у «отдаленной пищи»¹⁰, необходимо имеется некоторый двигатель, который делает ее актуальной пищей и действие которого заключается в питании. Двигатель этот есть питающее, а тело, обладающее подобной силой, — питающееся.

Питаются или растения, или животные, причем как у тех, так и у других имеется движущая сила. Таким образом, в питающемся теле име-

ется движущая сила. Всякая движущая сила есть некоторое завершение; следовательно, в питающемся есть нечто существующее актуально, посредством чего пища приводится в движение. Поскольку же питание, как это явствует из наблюдений, происходит лишь при помощи органов, то, значит, питательная сила есть некоторая душа. Сомнение могло бы возникнуть относительно грибов: является их сила душой или нет? Если бы она была душой, то из этого следовало бы, что не всякая душа движет при помощи органа, ибо грибы, как это можно узнать на ощупь, состоят из однородных частей, и рост грибов не напоминал бы нагромождение, подобное нагромождению камней. Точно так же можно было бы усомниться и в том, животное ли морская губка или растение? И вообще мы находим, что от одного рода к другому, более совершенному, природа переходит не иначе как после создания ею некоторого посредствующего звена¹¹; рассмотрением этого вопроса мы займемся в другом месте.

Изменение, как мы уже говорили, бывает и в субстанции и в прочих категориях. Питание же происходит лишь благодаря движению в субстанции, и выясняется это тогда, когда мы исследуем различные виды пищи. Действительно, ведь кровь и млечный сок — это не мясо и не вода, смешанная с землей, которая служит пищей для растений, а как все это происходит, объясняется в книге «О животных» и в книге «О растениях»¹².

Движение пищи — это движение возникновения и уничтожения; пища образуется, а питающее образует. Стало быть, питательная сила есть именно та сила, которой свойственно вызывать движение в субстанции, и мы, таким образом, нашли тот род, к которому относится питающая душа. Сила эта — действующая, а все действующее актуально. Всякое сущее, которое самостоятельно совершает действия, имеет два завершения: первое — это существование питательной силы и последнее — это существование ее в качестве двигателя. Питательная сила, стало быть, есть первое завершение питающегося тела.

Поскольку пища бывает либо потенциальной, либо актуальной (причем потенциальная пища бывает или отдаленной, как, например, элементы, или ближней, как, например, мясо и растение для животного), то ближняя пища для растений не имеет какого-либо (особого) наименования¹³. Отдаленная пища — это та, в которой двигатель не является питательной силой, а ближняя — та, которая приводится в движение питательной силой. Ближняя пища, в свою очередь, бывает разной степени [близости]: пища, усваиваемая питающимся животным; влага, содержащаяся в корнях растений; еще ближе — кровь, имеющаяся в жилах, и млечный сок в растениях, например пальмовый сок; наконец, последнее завершение, например кровь, претворившаяся в мясо, и млечный сок, претворившийся в волокна и уже воспринятый ими.

И мы говорим: кто полагает, что пища образуется из неподобного, тот не противоречит тому, кто утверждает, что всякая пища образуется из подобного. Ибо первый имеет в виду потенциальную пищу, а второй — актуальную. И то и другое называется пищей по общности имени, и, таким образом, двусмысленность слова «пища» отпадает.

Силы тела бывают либо движущими, либо недвижущими. Движущая сила сущностно и первично производит действия, свойственные ее виду, а вторично и акцидентально — нечто другое, в зависимости от материй, в которых она действует. Во всякой действующей силе, кроме того, что она существует свойственным ей образом, имеется нечто такое, посредством чего она порождает себе подобное. Что касается элементов, то действующая сила проявляется прежде всего в огне, затем — в воздухе, и более скрыто — в воде и земле.

Что же касается одушевленных тел, то в каждом из них имеется образующая сила. Коротко говоря, это такая сила, которая из потенциальной пищи образует некое тело, подобное тому, в чем она находится, так что в данном теле оказывается некая (сила), которая побуждает его к своему существованию. Такая сила в теле бывает либо главной — это сила, заключенная в той его части, которая является началом для этого тела, как, например, сердце у животных; либо она бывает служебной, частной — такая сила расположена в том или ином органе. Так, в форме кости имеется определенная сила, несущая пищу, которая потенциально является костью, и делающая ее актуальной костью. Точно так же обстоит дело и с мускулами и прочим. А о том, что вначале превращает пищу в то, чем является данное тело, уже говорилось в другом месте.

Ясно, что тело, имеющее подобную форму, состоит из элементов — из земли и воды. Как уже разъяснялось, сложное тело путем смешения получается таким образом, что вначале его части движутся в определенном месте, сближаясь друг с другом, а затем каждый из двух элементов подвергается превращению так, как это разъяснялось в первом рассуждении книги «О возникновении и уничтожении». Все это происходит не благодаря холоду, а благодаря теплу; это тепло есть орудие души, и именно его называют врожденным душевным теплом. Об этом рассказывалось в семнадцатом рассуждении книги «О животных»¹⁴.

Природное тепло есть орудие питающей души; она приводит в движение прежде всего природное тепло (и оно движется самостоятельно) и уж через природное тепло приводит в движение пищу. То, что не движется, может двигать нечто, вне его находящееся, лишь таким образом, что оно сначала приводит в движение то тело, в котором оно находится, в соответствии с тем, о чем толкует восьмое рассуждение «Чтений»¹⁵. Питательной силой приводится в подобное движение нечто, потенциально являющееся тем, в чем она находится, дабы это нечто уподобилось [телу] актуально.

Всему, что содержит в себе влагу, свойственно быстро подвергаться действию, и таково всякое одушевленное тело. Поэтому если данное тело предрасположено к тому, чтобы продолжать существовать, то у него должна быть образующая сила, ибо, если то, что в нем разложилось, не восполняется, тело это погибает.

Всякое естественное тело обладает определенной величиной, по достижении которой его существование приобретает завершение, как это видно на примере многих растений и животных. Но эта величина не дана телу с самого его возникновения, так как в ту пору в нем не существует

силы, с помощью которой оно приобретает подобную величину. Такой силой является сила роста. Поэтому питательная сила вызывает более чем простое восполнение пищей того, что разлагается, так что в данной части тела происходит восполнение того, что разлагается, и еще некоторое добавление, отчего это тело приходит в движение и приобретает такую величину, которой у него раньше не было.

Это еще одна сила, и она в питательной силе является как бы формой, в то время как та служит ей как бы материей, ибо силы роста не может быть без питательной силы. Поэтому, когда тело достигает своего естественного завершения, питательная сила производит меньше пищи, т.е. лишь столько, сколько ее требуется для восполнения разложившегося. Это бывает там, где имеются эти два вида души.

Всякое питающееся тело либо размножается, либо не размножается. Размножающееся тело — это такое, форма которого имеет силу, приводящую в движение то, что у данного вида целиком находится в потенциальном состоянии, и делающую этот вид актуальным.

Разница между этой и питательной силой заключается в том, что питательная сила превращает то, что потенциально является частями тела, в актуальные части тела, в то время как эта сила превращает то, что потенциально есть данный вид, в тело, принадлежащее данному виду, и не имеет касательства к частям тела. Как все это происходит, рассказывается в шестнадцатом рассуждении книги «О животных»¹⁶.

Отношение этого образующего начала к образуемому телу такое же, как отношение ремесла к скамье, ибо, как это разъяснялось в той же книге, образующее начало не находится в материи того, что образуется, подобно тому как это бывает в ремесле. Эта сила не находится в теле, она, как это там разъясняется, есть актуальный разум. Питательная же сила — это некая сила в теле, ибо она материальна. Отсюда ясно, что действие этой образующей силы не тождественно с действием питательной силы, а представляет собой нечто иное.

Та сила, о которой мы говорили, что она — образующее начало для данного вида, образует, конечно, не так, чтобы делать нечто другое подобным себе, так же как нельзя говорить о произведении искусства, что оно подобно искусству. Эта сила существует всегда в соединении с определенным телом, дабы приводить в движение то, что ей полагается, а то, что ей полагается приводить в движение, есть, как разъяснялось выше, нечто потенциально движущееся.

Тело, форма которого является двигателем, существует в воздухе и воде, и образуется такое тело от других двигателей, как это имеет, например, место при самопроизвольном зарождении животного, образующегося благодаря таким двигателям. Эти тела не размножаются: им дано лишь существовать самим — для продолжения существования их вида требуется некий другой вид. Виды же размножающихся одушевленных тел — это те, которые, кроме существования, наделены еще силой, делающей их существование непрерывным.

Что же касается неразмножающихся видов, то их непрерывность заключается в последовательности их существования. Размножающееся

занимает среднее положение между высшей степенью существования — абсолютно необходимым существованием — и низшей степенью существования — той, на которой необходимость означает последовательность. Поскольку же материальные тела не имеют абсолютно необходимого существования, то для восполнения этого они наделены способностью к размножению.

Размножение происходит благодаря тому, что здесь имеется определенная сила, посредством которой приводится в движение пища, вследствие чего она становится телом, имеющим силу, подобную этой, т.е. образующей, силе. Это тело называется семенем; рассматривается же оно в книге «О животных».

Эта сила является как бы формой образующей силы; она служит как бы завершением движения питания и поэтому совершает это свое действие лишь тогда, когда сочетается с образующей силой для завершения ее движения. Питательная сила служит как бы материей для силы размножения; сила роста служит как бы подготовкой, в то время как сила размножения служит целью, и питательная сила не имеет более совершенной силы, чем эта.

Ясно, что питательная сила в теле всегда производит пищи больше, чем это требуется для сохранения тела, в котором она заключена. Излишек же этот тратится прежде всего для роста, и когда таковой завершается, из этого излишка возникает семя. Семя — это излишек последней пищи. Вот почему сила размножения пропадает лишь с наступлением старости. В отличие от силы размножения питательная сила ограничивается лишь сохранением данного тела, поэтому к старости питательная сила расстается с ней и продолжает существовать одна.

Таким образом, выяснено, что собой представляет питающая душа, для чего она служит и каковы ее органы.

Раздел третий

Рассуждение об осязающих силах

Всякое тело, как это разъяснялось в другом месте, состоит из формы и материи; ни то, ни другое не есть тело, но как раз благодаря им и существует тело. Материя сама по себе не имеет никакой формы, но она принимает форму. Форма в теле актуально не существует отдельно от материи; равным образом и материя актуально не существует отдельно от формы. Однако форма и материя в составленном из них теле могут быть отделены друг от друга потенциально, и это вполне очевидно в отношении тел, возникающих и уничтожающихся.

Что касается круглых тел, то термины «тело», «материя» и «форма» применительно к ним и к телам, возникающим и уничтожающимся, употребляются лишь в качестве омонимов. Как с этим обстоит дело, было разобрано в другом месте. Но та или иная подвергающаяся индивидуации материя может и отделиться от формы; это можно наблюдать, когда вещь уничтожается. Все это вкратце рассматривается в первом рассуждении

«Чтений». Отсюда явствует: та вещь, на которую можно указать, не имеет в себе никакого актуального различия — последнее обнаруживается лишь при возникновении или уничтожении такой вещи.

Вообще материя не существует отдельно от формы, но, отделившись от одной формы, она существует в соединении с некоторой другой формой, и тогда видно, что прежней формы у нее уже нет. Из этого необходимо следует, что первая форма, в свою очередь, также должна отделиться от этой материи, либо соединившись с некоторой другой материей, либо существуя отдельно, сама по себе. Ведь в противном случае одно не могло бы чем-либо отличаться от другого, и различие было бы чем-то нереальным. Из этого следовали бы и другие нелепости: так, нереальными были бы возникновение и уничтожение, как и вообще движение; нереальным было бы существование двигателя, принадлежащего к виду движущегося. Далее, при уничтожении воды и превращении ее в пар материя воды существовала бы в соединении с формой пара не так, что она приобретает форму пара как свойственную ей форму, а так, как если бы она всегда находилась в соединении с нею. Когда материя принимает какую-то форму, она становится для последней субстратом, оставаясь материей, в существе своем не имеющей формы. Поэтому в ней имеются в потенциальном состоянии противоположные формы, а потенция эта есть ее необходимый, неотъемлемый атрибут.

Материальные формы существуют не ради себя, а ради чего-то другого, ибо природа ничего напрасно не делает. В книге «О небе и о мире»¹⁷ объяснялось, что элементы существуют для круглых тел, ибо круглое тело находится в них так же, как тело — в каком-то месте, а элементы, в свою очередь, находятся в круглом теле, как часть в целом. Мир является как бы простым единым живым существом, не нуждающимся ни в чем постороннем. Поэтому форма элементов необходимо должна была быть в материи.

Форма бывает различной степени. Первую степень составляет ее существование в качестве материальной формы. Это первая крайняя степень. Другую, противоположную ей, крайнюю степень составляет ее существование как умопостижаемого.

И мы говорим: совершенно очевидно, что чувственное восприятие может быть и актуальным, как, например, обстоит дело с бодрствующим животным, когда оно ощущает, и потенциальным, как, например, обстоит дело со спящим и зажмурившим глаза. Сила ощущения бывает либо ближней, либо отдаленной. Отдаленной силой является, например, способность эмбриона к ощущению, а ближней — чувство обоняния при отсутствии того, что можно было бы обонять, или зрение в темноте. Точно так же общепризнано, что не может какая-либо вещь восприниматься любым, какой случится, органом чувства: ведь, например, животное не видит пастью и не вкушает глазами.

Все потенциальное становится актуальным через определенное изменение, как это выяснилось в восьмом рассуждении «Чтений». Следовательно, в ощущении должно быть нечто изменяющееся и нечто изменяющееся. Ясно, что движущееся не тождественно с двигателем. Двигателем

здесь является чувственно воспринимаемое (это самоочевидно), а движемся — чувство.

Всякое движущееся потенциально есть то, к чему оно движется. Чувство обладает потенцией восприятия, а потенция, как это было выяснено во многих местах, содержится в материи. Теперь рассмотрим, какой должна быть материя.

И мы говорим: материей в качестве того, что предшествует, называется первая материя, общая для всего возникающего и уничтожающегося. Эта материя потенциально есть то, что ей свойственно принимать. Сама по себе она не имеет формы, но, как мы уже говорили, находится в соединении с формой, потому в ней всегда и существует одна из противоположностей, ибо она никогда не бывает свободна от тех или иных первых форм, каковы суть формы субстанций, например легкость и тяжесть. То же самое можно сказать и о тех акциденциях, которые связаны с телами как таковыми: материя всегда имеет ту или иную из противоположных друг другу первых акциденций, а в бытии своем наипервейшей акциденцией в материи является протяженность. Вот почему материя всегда есть нечто отелесенное. Что же касается причины того, почему именно протяженность есть первая акциденция материи, то она уже была изложена в другом месте. После протяженности следуют другие категории, имеющие отношение к телу: качество, место и прочее.

Чувственно воспринимаемые [качества] суть акциденции в материальном теле. Они присущи естественным телам или формам естественных тел. Естественные акциденции либо свойственны только естественным телам (как, например, тепло, холод, твердость и мягкость), либо же бывают общими для естественных и искусственных тел. В последнем случае, однако, они свойственны искусственным телам как последующее, а естественным — как предшествующее. Чувственно воспринимаемые качества, стало быть, суть формы, существующие в естественных телах; значит, акциденциям здесь свойственно то же, что и формам. Ясно, что все они — материальные формы.

Одни естественные акциденции суть двигатели, другие — движущееся. Первые бывают либо однородны с тем, что приводится в движение (т.е. они становятся подобными движущемуся, как это, например, бывает с огнем), либо не однородны (как, например, огонь, используемый при обжиге глины).

Поскольку дело обстоит так, как мы это выяснили, то все возникающее и уничтожающееся есть осязаемое тело. Всякая же осязаемая вещь есть либо простое, либо сложное тело. Простыми телами являются четыре элемента — они перечислялись во многих местах, в частности в двенадцатом рассуждении книги «О животных». Было выяснено, что всякое чувственно воспринимающее тело есть сложное, а не простое тело. Оно состоит из земли, что придает ему определенную фигуру и особое очертание. Нет такого животного или растения, которое обладало бы одними только однородными частями. В одних сложных телах составляющие их элементы существуют актуально, в таком случае сочетание элементов будет или непрерывным сцеплением или сращением, вообще некоторым соедине-

нием; в других — потенциально, и тогда они будут составлять некоторую смесь. То, что обладает душой, образуется посредством смешения, а не каким-либо другим видом сочетания. Не существует такого растения или животного, в котором хоть один какой-нибудь элемент существовал бы актуально (без другого элемента).

Одни формы, принимаемые сложными телами, сами по себе ничего не приводят в движение, а только принимаются — таковы, например, формы минералов (будучи в материи, эти формы предшествуют тому, что возникает в ней благодаря им, как, например, свойство золота как такового, а именно: ковкость и огнеупорность). Другие же таковы, что приводят тела, в которых они находятся, в присущее им движение — такова, например, душа растения.

Ясно, что восприятия материальных вещей имеют начало во времени, ибо в противном случае они были бы извечными. Если же они были бы извечными, то отсюда следовало бы, что Зайд предшествует Зайду, тепло — теплу. Из этого также следовало бы, что восприятия перемещались бы, не говоря уже о других подобного рода нелепостях.

Далее, общеизвестно также и то, что начало во времени имеют и чувственные восприятия. Чтобы удостовериться в этом, достаточно даже самого поверхностного наблюдения. Но все, что имеет начало во времени, до своего возникновения существовало как возможное, а возможность и потенция, как мы об этом говорили раньше, связаны друг с другом. Следовательно, ощущающая сила необходимо должна находиться в материи, а последняя, в свою очередь, должна быть материей, лежащей в основе ее существования.

Мы рассказали о том, что вообще представляет собой воспринимающая сила. Эта сила есть душа, существующая в одушевленном теле; это форма смеси одушевленного существа, а образовавшееся из смеси тело, которое обладает этой силой, есть нечто одушевленное и живое.

Так как всякое возникновение есть изменение или его последствие, как это разъяснялось в «Чтениях», то необходимо, чтобы таковым было и восприятие. Поскольку же все изменяющееся делимо, а восприятие — неделимо, то из этого с необходимостью следует, что ощущающая сила соединена с материей либо непосредственно, либо опосредствованно.

Восприятия (животной) души делятся на два рода: на чувственное восприятие и воображение. То, что не воспринято чувством, не может быть предметом воображения, так, например, обстоит дело с цветом. Чувственное восприятие по природе предшествует воображению, ибо оно для последнего служит как бы материей. Поэтому чувственное восприятие есть первое восприятие тела. Изменение не происходит в чувственно воспринимаемом. Изменение происходит в форме чувственно воспринимающего, а последнее необходимо есть тело, формой которого является ощущающая сила. Короче говоря, чувство есть сила, присущая такому телу, которое испытывает действие чувственно воспринимаемого и завершение которого зависит от завершения имеющейся в нем душевной силы. Отсюда необходимо следует, что предмет чувственного восприятия должен быть предметом воображения, а чувственно воспринимающее — вообра-

жающим. Именно поэтому тепло и холод воспринимаются сами по себе и первично, а что касается твердости, мягкости, шероховатости и гладкости, то, как с ними обстоит дело, мы объясним в рассуждении о силе осязания. Вот что можно в общих чертах сказать о чувстве.

То, что составляет тело, бывает либо общим, либо особым. Особое воспринимается только одним чувством, а общее — несколькими чувствами. Поэтому последнее не есть первый предмет чувственного восприятия. Таковы, например, протяженность и фигура.

А теперь поговорим о разновидностях чувственного восприятия.

Раздел четвертый

Рассуждение о зрении

Выше уже было выяснено, что душа есть такое первое завершение, материя которого является смесью. Под термином «первое» я подразумеваю то, что можно сказать о геометре, когда он не занят своим делом, т.е. геометрией, и о музыканте, когда он не занят своим музыкальным искусством. «Последнее» же говорится, например, применительно к музыканту, когда он что-то исполняет. Первый вид завершения служит для последнего как бы материей, поэтому он необходимо нуждается в чем-то, что привело бы его в состояние актуальности, т.е. нуждается в двигателе. Ибо все движущееся имеет двигатель, хотя в приведенных выше случаях двигатель бывает скрытым, но в случае с чувством действие двигателя явно, подобно тому как это бывает с полированным зеркалом, где полированность является первым завершением: в этом случае при появлении видимого предмета на зеркале отображается форма без того, чтобы зеркало в чем-то изменилось и стало существовать как нечто иное.

Сила зрения — это первое завершение глаза, это зрительная душа; когда эта сила созерцает, она становится зрением — так она называется в том случае, если достигает последнего завершения. Точно так же обстоит дело и с прочими силами. Будучи рассматриваема отдельно, только как сила, она есть душа. Именно поэтому об эмбрионе и о спящем говорят, что они обладают душой. Когда же эта сила совершает свои действия, она есть чувство. Сила, вызывающая зрительное восприятие, потенциально содержится в предметах этого восприятия.

Как уже говорилось, чувственно воспринимаемые предметы бывают первыми, т.е. особыми для каждого чувства в отдельности, и общими; кроме того, они бывают еще и случайными.

Первым предметом зрительного восприятия является цвет; поэтому он воспринимается только зрением.

Зрительная душа есть сила, расположенная в глазу, который благодаря ей воспринимает цвет. Эта сила пребывает в льдообразной влаге¹⁸. Об этом свидетельствуют явления, наблюдающиеся у человека, которому в глаза попала вода. Поэтому нам следует рассмотреть, что такое цвет.

Цвет, говорим мы, может быть воспринят лишь через посредство воздуха. Поэтому если бы цвет был наложен на [орган] зрения, то он не вос-

принял бы его. Воздух может служить зрительному восприятию только при свете.

А в том, что цвет существует и в темноте, мы убеждаемся, рассматривая цвет в тени и на солнце, а также в тех случаях, когда над растениями, закрывая от них солнце, проходит облако, — в подобных случаях их окраска претерпевает сильное изменение. Все это было рассмотрено в книге «О восприятии и воспринимаемом»¹⁹.

Источником света служит светящаяся вещь. Освещающаяся же вещь есть то, на что падает свет. Свет — это завершение освещающейся вещи как таковой.

О том, что светится, говорится в двояком значении: как о предшествующем и как о последующем. Говоря о первом значении, мы имеем в виду то, что общо для солнца и огня. Как о последующем мы говорим о том, что освещает, будучи само освещаемо, т.е. о том, от чего отражается свет; таковы, например, луна и гладкие тела. Здесь мы имеем несколько разновидностей. Когда какая-нибудь вещь, светясь, не может сделать видимой другую вещь, мы имеем дело с тем или иным видом тел, в которых преобладает элемент земли. Примерами здесь могут служить то, что мы видим ночью в воде, когда по ней ударяются весла, то, что мы наблюдаем в чешуе некоторых рыб, а также огоньки светляков. Все это не цвета, а лишь претерпевания в глазу, о которых уже рассказывалось в другом месте.

Свет, стало быть, есть то, что возникает в воздухе при наличии некоторого тела, благодаря которому освещающееся тело становится видимым.

Что же касается вопроса о том, таково ли солнце, каким оно представляется, или это только его отпечаток на том, что окружает живое существо, то над этим надо еще подумать и поломать голову. Ведь тот, кто находится в воде, видит солнце на ее поверхности, он видит его близко, и ему кажется, что оно находится на поверхности воды. Подобное же бывает и с тем, кто стоит на берегу моря при восходе или закате, когда над местом, расположенным вблизи наблюдателя, поднимается плотный дым. В этом случае человеку кажется, будто солнце находится на поверхности дыма, и оно представляется ему крупным, а по цвету кажется красным или желтым.

Ясно, что тот, кто считает возможным созерцание через пустоту, ошибается. Дело обстоит совсем иначе, чем думает Демокрит²⁰, ибо с устранением воздуха устраняется всякое видение.

Далее, так же как цвет не может быть воспринят без света, так и свет не может быть воспринят без сочетания с цветом.

Цвет есть поверхность, а поверхность необходимо имеет фигуру. Поэтому зрение воспринимает фигуру и длину. По этой же причине оно воспринимает субстанции, служащие субстратами для цвета.

Причины бывают близкими — это те, которые относятся к существенным причинам, — и отдаленными, а это те, которые причисляются к акцидентальным причинам. Точно так же обстоит дело и с видимыми предметами: протяженность и т.п. воспринимаются зрением существенно, а субстанции — акцидентально.

Раздел пятый

Рассуждение о слухе

Сила слуха есть осуществление чувства слуха, а ее действие заключается в восприятии отпечатка, возникающего в воздухе от соударения двух противодействующих друг другу тел. Именно благодаря этому отпечатку вещь становится слышимой, и именно в ощущении его заключается слышание. Причина же этого в том, что все тела, издающие звук, являются либо твердыми, либо жидкими. Если это твердые тела, то звук от них появляется, как только по ним ударяют. Если же это жидкое тело, то звук от него появляется только в том случае, если скорость движения ударяющего тела бывает больше скорости рассеяния жидкого тела, ибо благодаря этому последнее и оказывает противодействие. Вследствие этого то, в чем возникает подобного рода движение, отскакивает и устремляется во все стороны, двигаясь от того места, в котором произошло столкновение ударяющего тела и тела ударяемого. Воздух, отталкиваясь от ударяющего тела, принимает от него особый отпечаток, в чем мы убеждаемся, рассматривая вибрирующие предметы.

Первым предметом чувственного восприятия является здесь тот отпечаток, который возникает в воздухе и в воде от удара. Это явление, однако, связано с движением, и оно может быть воспринято только в том случае, если воздух находится в движении.

Далее, человеческое ухо обладает особым свойством, которое заключается в том, что в ухе происходит множество соударений и разного рода отражение воздуха, вследствие чего звук сохраняется. Подобное явление происходит в таких музыкальных инструментах, как лютня. Именно благодаря ему звук либо бывает мелодией (поскольку мелодия есть звук, сохраняющийся в течение заметного отрезка времени), либо не бывает мелодией. И когда один звук сопровождается другим, две части воздуха разного состояния смешиваются, и возникает смешанная мелодия, либо благозвучная, либо неблагозвучная.

Поскольку первым предметом слухового восприятия служит воздух (ибо именно он есть первый приемник звука), то соударяющиеся предметы воспринимаются акцидентально. Именно этим объясняются имеющие здесь место обманы слуха, подобные тому, что происходит со зрением в отношении акцидентальных предметов зрительного восприятия. Поэтому и случается, что многие звуки исходят от различных тел так, что можно подумать, будто последние составляют одно тело; например, когда вода падает в полое твердое тело, воспринимаемый при этом звук оказывается совершенно таким же, как звук, издаваемый струнами лютни, так что, если только слышать это, но не видеть, можно подумать, будто кто-то ударяет по струнам лютни. Вот почему фокусники могут заставлять нас воображать раскаты грома, а подражатели — слышать звуки, будто издаваемые различными предметами, так, что последние нам кажутся наличествующими, хотя в действительности их нет.

Природа предметов, акцидентально воспринимаемых каким-либо чувством, такова, что чувства, воспринимая их, помогают друг другу, так

что в итоге мы ощущаем данный чувственно воспринимаемый предмет. Ниже мы поясним, как все это происходит и какая здесь участвует сила.

Тела либо [самостоятельно] издают звуки, либо — нет. Тела, [самостоятельно] издающие звуки, — это те, у которых имеется некоторый орган, производящий звук; это одушевленные тела, в частности те, которые имеют легкие, т.е. те, которые дышат.

Что же касается живого существа, известного под названием сверчка, или ночного сверчка, то [самостоятельно] издающим звуки его можно назвать лишь в ином смысле, т.е. акцидентально, ибо воздух выходит из щелей, имеющихся у него в полости, благодаря чему в нем и возникает определенный звук.

Раздел шестой

Рассуждение об обонянии

Обоняние — это сила, воспринимающая то, что подразумевают под обоняемым, и расположена она в носу. Следуя принятому обычаю, мы должны прежде всего рассмотреть, что собой представляет первый приемник обоняемого, тогда мы выясним, что такое обоняние само по себе и что с ним связано акцидентальным образом, подобно тому, как мы это выяснили в отношении зрения.

Первым предметом обоняния является запах. Поговорим же о том, что такое запах. При внимательном изучении тел выясняется, что все пахучее есть определенная смесь, а смешение по природе предшествует запаху в теле. Точно так же запаху в пахучем теле по природе предшествует возникновение вкусового качества, так что запах чуть ли не оказывается самим вкусовым качеством. Вот почему вкусовые качества многих вещей узнаются по их запахам. Большинство не наделенных разумом животных для поддержания своего существования обращается именно к этому чувству; это можно сказать и об орлах, и о собаках, и о волках. Лошадь отказывается от своего корма, если к запаху последнего примешан какой-нибудь другой, не естественный для корма, запах. Это чувство у животных развито очень сильно, что нельзя сказать о человеке, у которого оно развито слабо, ибо животные нуждаются в нем больше.

Природа этого чувства такова, что многие животные ощущают запах только при вдыхании. Это те животные, у которых имеются легкие. Действительно, ведь если положить на нос какой-нибудь пахучий предмет, то никакого ощущения не возникнет до тех пор, пока не будет произведен вдох.

Это чувствилище покрыто пеленой; когда производится вдох, оболочка эта размыкается, и пахучий предмет сообщается с чувством. Поэтому если кто-нибудь, втягивая в себя воздух, желает определить наличие какого-нибудь запаха, то он вдыхает долго или медленно.

Очевидно, что приемник запаха в общем однороден с воздухом; точнее говоря, это не что иное, как дым или пар, какой исходит от испаряющихся вещей и многих блюд. Обо всем этом подробно рассказывалось в книге «О восприятии и воспринимаемом». Поэтому во многих твердых

телах остаются запахи других тел даже после их удаления. Так, например, в медной посуде, после того как ее вымыли, еще долго сохраняется запах вина и меда. Поскольку в сосудах остаются запахи хранившихся в них тел, обоняние иногда может перепутать предметы, обладающие этими запахами, подобно тому как это происходит со слухом.

Раздел седьмой

Рассуждение о вкусовом качестве

Вкусовое качество отсутствует как в [одной лишь] влаге, так и в [одном лишь] сухом теле: его лишены и песок, и чистая вода, и воздух. Морская же и болотная вода имеет вкусовое качество, ибо к этим водам примешана сухость.

Материей вкусового качества является влага; поэтому, когда орган вкуса сух, он уже не обнаруживает вкусового качества вещей, в которых преобладает сухость; вкусовое качество может быть обнаружено им лишь у влажных вещей. Вкус приводит в движение влагу рта и воспринимает ее так же, как воздух воспринимает цвет. Без влаги вкусовое качество не может ни существовать, ни быть ощущаемым. Орган вкуса устроен так, что в нем происходит увлажнение, благодаря которому образуется естественная жидкость, делающая возможным вкусовое восприятие. Эта жидкость есть некоторого рода смесь сухого и влажного, отчего она и является вязкой. Она не обладает собственным вкусовым качеством, дабы не мешать восприятию противоположных ему вкусовых качеств. Вот почему больному лихорадкой все кажется горьким, ибо горькой является имеющаяся у него во рту жидкость, к коей примешалось некоторое испарение (об этом рассказывалось в другом месте).

Для живых существ вкус необходим; поэтому лишь немногие из них лишены способности к вкусовому восприятию. К числу последних принадлежат, например, животные, покрытые раковиной, и морские губки; для того чтобы питаться, этим существам, по-видимому, достаточно осязания, ибо смесь их далеко не уравновешена, и ведут они себя как растения.

Вкусовое качество бывает приятным в большей или меньшей степени в зависимости от того, является ли данная вещь более влажной или более сухой, более теплой или более холодной. Все это само собою разумеется.

Раздел восьмой

Рассуждение об осязании

Осязание — это сила, воспринимающая осязаемое. Под осязаемым же можно подразумевать несколько видов вещей; поэтому и сила осязания делится на несколько видов, хотя она и находится в одном субстрате.

Это чувство распространено по всему человеческому телу. В отличие от других чувств оно не имеет особого органа, но в каждом живом существе для него есть определенного вида приемник, а именно мясо или то, что его заменяет у живых существ, лишенных мышечной [ткани]. Что ка-